

КОНЦЕПЦИЯ «ХРИСТОЛЮБИВОГО ВОИНСТВА» В РОССИЙСКОМ БОГОСЛОВСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСАХ XIX В. КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ*

Луньков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-9252-0107,
E-mail: istorik1981@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2020, принята к публикации 14.08.2020

Для цитирования: Луньков А.С. Концепция «христолюбивого воинства» в российском богословском и философском дискурсах XIX в. как феномен политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 101-111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10307

Аннотация

Проблема соотношения идеалов христианской этики и реальной политики возникла практически сразу с появлением христианства. В XIX веке в Российской Империи этот вопрос вновь стал актуален в связи с частыми войнами и попытками государства использовать православие и армию в качестве средств идеологического воспитания, и даже перевоспитания граждан. При этом решение этой проблемы было сопряжено с рядом богословских, философских и мировоззренческих вопросов. На большинство из них попыталась ответить концепция «христолюбивого воинства», которая активно стала формироваться в российском богословском и философском дискурсах в XIX веке. В частности, богословский и религиозно-просветительский аспект данной проблемы поднимался в трудах таких деятелей Русской Православной Церкви, как святитель Иннокентий (архиепископ Херсонский и Таврический).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

© Луньков А.С., 2020

Светскую философскую критику и попытку богословского ответа с точки зрения «новой религии» попытался дать Л. Н. Толстой и его последователи.

Ключевые слова:

нравственное богословие, христоролюбивое воинство, святитель Иннокентий, Л. Н. Толстой.

UDC 172.4+241.13

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10307

THE CONCEPT OF THE “CHRIST-LOVING HOST” IN RUSSIAN THEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSES OF THE 19TH CENTURY AS A PHENOMENON OF POLITICS OF MEMORY

Lunkov Alexander Sergejevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Candidate of Historical Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-9252-0107,
E-mail: istorik1981@mail.ru

Article received on June 1, 2020, accepted on August 14, 2020

To cite this article: Lunkov A. S. (2020). Konceptcija “hristoljubivogo voinstva” v rossijskom bogoslovskom i filosofskom diskursah XIX v. kak fenomen politiki pamjati [The concept of the “Christ-loving host” in Russian theological and philosophical discourses of the 19th century as a phenomenon of politics of memory]. *Scientific Journal “Discourse-P”*, 3(40), 101-111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10307

Abstract

The problem of correlation of the ideals of Christian ethics and real politics arose almost immediately with the advent of Christianity. In the 19th century in the Russian Empire, this issue again became relevant in connection with frequent wars and attempts by the state to use Orthodoxy and the army as an instrument of ideological education and, even, re-education, of citizens. Moreover, the solution to this problem was fraught with a number of theological, philosophical and worldview issues. The concept of the “Christ-loving host”, which actively began to take shape in Russian theological and philosophical discourses in the 19th century, tried to answer most of them. In particular, the theological and religious-enlightening aspect of this problem was raised in the writings of such figures

of the Russian Orthodox Church as St. Innocent (Archbishop of Kherson and Tauride). Secular philosophical criticism and an attempt at a theological answer from the point of view of the “new religion” were attempted by Leo Tolstoy and his followers.

Keywords:

moral theology, Christ-loving Host, Saint Innocent, Leo Tolstoy.

Введение

Изучение феномена политики памяти стало актуально на рубеже XX–XXI веков, что было связано с попыткой отечественных и зарубежных исследователей понять механизм преодоления тем или иным социумом «разрыва» между двумя разными наборами констант исторической памяти. Речь прежде всего идет о том, как современная Россия и другие страны бывшего СССР смогли перейти к новому пониманию собственной истории и оценке ее ключевых событий. Однако политика памяти как целенаправленная государственная практика существовала задолго до ее концептуализации в общественных науках и философии после распада СССР. В данной статье мы рассмотрим один из элементов политики памяти, активно применявшийся в Российской Империи в XIX – начале XX вв. Речь идет о создании и трансляции в общественное сознание концепции «христолюбивого воинства» и сопутствовавшие этому дискуссии по поводу понимания феномена войны и ее роли в развитии русского общества. Примечательно, что практически сразу в среде русских интеллектуалов начала формироваться оппозиция этой концепции, что привело, в том числе, к появлению различных вариантов российского пацифизма.

Богословские аспекты концепции «христолюбивого воинства»

Даже никогда не служившим в армии людям хорошо известна формула, что солдат должен «стойко переносить все тяготы и лишения военной службы». Источники у этой стойкости могут быть разными по своей сути, но все они в основе своей имеют духовные (или психологические) силы человека. Поддержание этих сил на высоком уровне всегда было одной из важнейших задач командиров и военачальников всех времен. В условиях доминирования религиозного сознания в общественном сознании обращение именно к вере как неперемennomу условию высокого боевого духа армии было неизбежно. Все армии мира во время войны непременно считают, что Бог именно на их стороне. В контексте христианской, и особенно православной, традиции для успешного решения задач религиозного воспитания армии необходимо было ответить на ряд вопросов богословского характера. Прежде всего, это вопрос о том, как военная служба и война как ее высшее выражение соотносятся с идеалами христианской любви к ближнему и проповедью Христа.

Известный библейский сюжет повествует нам о воинах и мытарях, приходивших к Иоанну Крестителю. И волновало их одно: могут ли они спастись, не оставляя своей службы? Может ли сама принадлежность к этому роду за-

нятий стать препятствием для спасения? Иоанн не приказал им бросить оружие или уйти из армии, но обратился к ним с такими словами: «Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3:14). Тем самым он подчеркивает, что путь к спасению лежит не через принадлежность к тому или иному роду деятельности, а в избегании пороков, которые присущи этой деятельности. Евангелие содержит несколько эпизодов общения с Христом римских легионеров. Речь идет о римском офицере из Капернаума, о котором Христос сказал: «Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел я такой веры» (Мф. 8.5–10); о безызвестном Лонгине, который стоял на голгофской страже у Креста Христова и в час Его смерти исповедал веру свою в Спасителя, воскликнув: «Воистину Он был Сын Божий!» (Мф. 27.54) и др. Но все эти случаи для обычного солдата-христианина не отвечают на вопрос – что мне делать в бою, когда идет выбор убивать или не убивать врага?

Данная проблема относится к сфере так называемого нравственного богословия. По словам одного из видных русских богословов и историков церкви начала XX века А.А. Бронзова, «в истекшем XIX-м столетии Нравственное Богословие у нас в России имело, по-видимому, судьбу совсем незавидную, а если исключить немногие отдельные его моменты, являющиеся, безспорно, привлекательными оазисами на общем пустынном фоне, то как будто и совсем грустную, печальную» (Бронзов, 1901, с. 4). При этом следует учесть, что нравственное богословие занимается вопросами основания поступка человека, его поведения в любых обстоятельствах, а не только на войне. Поэтому неутешительную оценку следует еще более усугубить в отношении разработки в России в XIX веке проблемы поступка на войне.

Одной из первых в XIX столетии работ, в которых ставились вопросы нравственного богословия в контексте войны, была книга протоиерея Иакова Воскресенского «Нравоучение для благородных воспитанниц общества благородных девиц и института ордена св. Екатерины» (1813). Несмотря на предельно далекое от проблемы войны название этой книги, в ней ставятся и в доступной форме разрешаются некоторые интересующие нас проблемы. Прежде всего, И.И. Воскресенский рассуждает об обязанностях («должностях») человека перед Богом, другими людьми и самим собой. Одной из обязанностей человека перед Богом является сохранение своего здоровья и жизни. «Здоровье, равно как и жизнь, есть неоцененный дар Божий; следовательно небрежение об оном есть неблагодарность» (Воскресенский, 1813, с. 70). Из этого следуют правила: «Храни жизнь твою со всевозможным тщанием...» и «Пекися о соблюдении здоровья...» (Воскресенский, 1813, с. 71). Такие тезисы на первый взгляд входят в явное противоречие с практикой военной службы и ведения войны. Но это противоречие разрешается через введение принципа иерархии в вопросах нравственности. Общественное благо ставится выше блага индивидуального («каждый из подданных имеет долг, благоденствие общее предпочитать личному...» (Воскресенский, 1813, с. 172)). Поэтому в обязанности государя «для отвращения от подданных гибельных следствий войны...» входит «составлять из подданных войско...» (Воскресенский, 1813, с. 166–167). Логика этих рассуждений исходит из тезиса, что сам по себе человек без общества не может полностью развить свои способности, не сможет находиться в состоянии мира и спокойствия и быть защищенным от внешних посягательств. Далее, общество

без единой воли не сможет гармонично развиваться. Воплощением единой воли общества и государства является государь – наместник Бога на земле. Армия необходима государю для реализации общественных интересов, поэтому ее существование и, главное, применение не является нарушением божественных установлений.

В этой книге мы находим рассуждения об обязанностях тех, кому поручена забота об армии и о долге самих воинов. Последние обязаны «быть довольны своими оброки...; воздерживаться от бесчеловечных поступков с неприятелями и еще более соотчичами и союзниками...; сносить с охотой и неумолимо трудности для защищения Отечества...; не вдаваться безрассудно в опасности, и по небрежению или трусости оных не бегать...; быть храбрыми противу неприятелей, а не против сограждан...; честную смерть предпочитать безчестному бегству и жизни» (Воскресенский, 1813, с. 177–178). Последний пункт особенно примечателен. Перед солдатом ставится непростая задача – определить, какая смерть будет честной, а какая нет. Особенно в свете правила про безрассудство. В реальной боевой ситуации у человека есть несколько мгновений, чтобы принять самое важное решение в своей жизни. И подготовкой к нему нужно начинать заниматься задолго до самой ситуации выбора.

Показательно, что эти идеи появились даже в издании, целевой аудиторией которого должны были быть молодые девушки. По мысли автора, все они являются будущими матерями, которые должны воспитать достойных защитников Отечества. После Отечественной войны 1812 года подобная риторика захватила практически все сферы общественной жизни. Пики интереса к этой проблематике приходились на периоды «общественных бедствий», и затухающими волнами продолжали транслироваться в массовое сознание до конца XIX века.

Крымская война 1853–1856 гг. стала одним из таких пиков. В результате нравственное богословие вновь обратилось к теме войны. Так, например, Василий Борисович Бажанов, протопресвитер и с 1849 года обер-священник Главного Штаба гвардейского и гренадерского корпусов, в своей брошюре «Обязанности государя» (1859) писал следующее: «Заботясь о внутреннем благоустройстве своего государства, Государь должен также оградить и внешнюю безопасность его миролюбивыми сношениями с другими государствами, в случае же необходимости защищать его силою оружия. Но как эта необходимость есть самая жестокая для сердца Царя-Христианина; то Он должен стараться ревностным, сугубым попечением о внутреннем благоустройстве и постоянной готовностью к войне предотвращать все неприязненные нападения и покушения отвне» (Бажанов, 1859, с. 10–11). При этом он должен не «предпринимать без крайней нужды войны, всегда разорительной для государства» (Бажанов, 1859, с. 5).

Таким образом, к середине XIX века окончательно сформировался один из элементов концепции «христолюбивого воинства» – акцент на ключевой роли государя и государства в нравственной жизни православного воина. Верность государю практически равноценна верности Богу. Поэтому выполнение приказа на войне, даже требующего совершения греховного акта причинения насилия или смерти, является допустимым, так как такова воля государя, наместника Бога на земле.

Публичное использование концепции «христоролюбивого воинства» и политика памяти

Теоретические или направленные на узкую аудиторию произведения еще не делают идею работоспособной для большого числа людей. Идея должна быть донесена до сердца каждого солдата и офицера армии, быть ими понята и воспринята как основа для волевого акта. Необходима широкая практика прознесения этой идеи вслух важными для слушателей людьми. Нужна проповедь концепции «христоролюбивого воинства». Не случайно создателями этой концепции считаются духовные лица, которые ее проповедовали. Речь, прежде всего, идет о святителе Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. Как раз он в период крымской войны обращался к своей пастве с речами, которые позднее были опубликованы под общим названием «Слова по случаю общественных бедствий». Для понимания того, как развивалась концепция «христоролюбивого воинства», необходимо проанализировать ее дискурс.

Практически все выступления святителя Иннокентия перед верующими строились по единой логике. Вначале он отдает должное государю и подчеркивает прямую связь его власти с Божественной волей и высокую роль Русской Православной Церкви. В качестве примера можем привести следующую цитату: «Прежде всего возблагодарим Монарха нашего за то, что он, среди обошедших царства и народы злключений, возлагает упование свое не на могущесте земное, как им ни ущедрена свыше Россия, а на Бога Всемогущего и Всеблагаго. Велик Бог Русский! Тверда и непоколебима вера православная! Каких бед и ударов не перенесло возлюбленное Отечество наше? И из всех их вышло светлее и могущественнее прежнего, – вышло таковым потому, что никогда не теряло упования на милость Божию, всегда спасающую правых сердцем. Не оставит Господь нас и впредь всемогущим покровом Своим, доколе мы пребудем верны заповедям Его и Уставам Святой Церкви» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 292). За всеми положенными формальными словами просматривается второй важный элемент концепции «христоролюбивого воинства», а именно обращение к истории («Каких бед и ударов не перенесло возлюбленное Отечество наше? И из всех их вышло светлее и могущественнее прежнего...»). Этот тезис является ярким проявлением политики памяти. Не важно, насколько хорошо живет конкретному слушателю этих слов, главное, что вся страна, все общество живет лучше, несмотря на беды в прошлом. Эта мысль станет лейтмотивом всех речей святителя Иннокентия. Кроме этого, он подчеркивает важную миссию России, ее ключевую роль для всего мира, которую она сыграет в будущем: «Не Россия ли, если даст Господь, послужит и в будущем к обузданию адского духа безначалия, от коего мятутся теперь царства и народы?» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 295). Таким образом, слушатель как объект политики памяти оказывается между двумя историческими «жернаками» – прошлым, наполненным разными бедствиями, которые, однако, послужили делу укрепления России, и будущим, наполненным великими свершениями, в которых России отводится ключевая роль. «Настоящее» сужается до предела и теряет важность, следовательно, теряет важность и сама жизнь человека, его сиюминутное «сейчас», чем облегчается его нравственный выбор в пользу жертвенности в ситуации опасности: «Важно посему не то,

что происходит теперь, а то, с кем теперь Господь: с нами или с врагами нашими» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 308).

В рамках политики памяти необходимо постоянное публичное обращение к истории, особенно к тем ее событиям, которые могут быть приведены в пример. Во время войны особенно актуальны примеры успешных для государства войн прошлого. Для периода Крымской войны таким примером была Отечественная война 1812 года. При этом для усиления эффекта от обращения к истории часто подчеркивается символизм происходящего сейчас, его параллели с прошлым. «Кто не помнит 1812 год? Тогда колебался не один какой-либо край, как теперь колеблется ваш, а сотрясалась от конца до конца вся Россия; самое сердце ее, Москва, было в руках врага; многим потому казалось, что уже все потеряно; а между тем, вскоре оказалось, что держава Русская цела и несокрушима; сокрушились только, несмотря на их силу, искусство и успехи, полчища врагов, и исчезли как призрак. Подобное тому, даст Господь, последует и теперь! Ибо приметили ль вы, в какой день враги появились на земле нашей? В тот самый день, в который вошли они некогда в Москву, как бы в предвестие, что в Крыму их ожидает та же горькая участь, коей подверглись они по занятии первопрестольной столицы нашей» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 329–330). В этом же «Слове...» Иннокентия впервые звучит само словосочетание – «христоролюбивое воинство», которое наполнено глубоким богословским смыслом. Суть его в том, что войско земное тесно связано с «войском» небесным, так как святые, праведники и другие уже умершие люди, связанные при жизни с Россией, продолжают заступаться за нашу страну перед лицом Господа. Поэтому «если мы любим искренно свое Отечество, то небожители тем паче не могут забыть его и не предстательствовать за него у Господа» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 332). То есть сила «христоролюбивого воинства» в том, что в едином строю стоят как люди ныне живущие, так и умершие святые и праведники. При этом у врага нет такой поддержки: «А за успех врагов наших кто может стать и ходатайствовать на небе?» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 332).

Другой чертой «христоролюбивого воинства» является его нетерпимость к противникам истинной веры. Это именно воинство, армия, инструмент для истребления врага. «Поспешите, возлюбленные, прославиться – славой чистой и святой, употребив все силы и средства, все искусство и умение ваше на содействие и помощь христоролюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всех концов России на защиту страны вашей, в порыве святой ревности, ожидает как празднества того дня и часа, когда можно будет, не щадя своей крови и живота – за Царя и Отечество – ринуться победоносно на толпы богопротивных иноплеменников» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 335).

Светская критика концепции «христоролюбивого воинства»

Поражение России в Крымской войне стало переломом в развитии русской военно-стратегической мысли. Стали подвергаться пересмотру многие принципы организации армии, ее подготовки, стратегии и тактики. Но помимо чисто военной сферы повышенное внимание к проблемам войны и армии возникло у широких кругов образованной общественности и отечественных философов. Именно в этот период закладывается светская философская критика ряда ре-

лигиозных идей, касающихся роли войны в жизни общества. В ряде случаев, как, например, в работах Л. Н. Толстого, светская критика перерастала в богословскую полемику.

Как известно, в молодости Л. Н. Толстой был непосредственным участником Крымской войны. Его «Севастопольские рассказы» снаскили ему первую литературную славу. Но духовное развитие этого человека привело его к последовательной критике войны как социального и политического института. При этом его критика концентрировалась на считавшихся сильными и наиболее обоснованными сторонами официального государственно-православного взгляда на институт армии, и особенно – на декларируемых нравственных принципах поведения на войне. К концу XIX века его взгляды сложились в комплекс идей и практических рекомендаций. В статье 1901 года «Солдатская памятка» он последовательно опровергает трактовку некоторых христианских догматов, связанных с повседневной жизнью солдата: «В евангелии сказано, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству: не должно гневаться на брата и не ненавидеть врагов, а любить их. В законе Моисея прямо сказано: «не убий», без всяких оговорок о том, кого можно и кого нельзя убивать. В правилах же, которым тебя учили, сказано, что солдат должен исполнять всякое, какое бы то ни было, приказание начальника, кроме приказа против царя, и в объяснении 6-ой заповеди сказано, что хотя заповедью этой запрещается убивать, но тот, кто убивает неприятеля на войне, не грешит против этой заповеди» (Толстой, 1952с, с. 280). Толстой подчеркивает, что «начальство» не может снять с человека ответственность, что именно твоя пуля только что оборвала чью-то жизнь. Никакая присяга человеку не может быть выше долга перед Богом, который предшествует всему: «Тебе говорят, что ты должен убивать потому, что ты присягал и отвечать за твои дела будешь не ты, а начальство. Но прежде, чем ты присягал, т. е. обязался людям исполнять их волю, ты уже без присяги обязан во всем исполнять волю бога, того, кто дал тебе жизнь, – бог же не велит убивать» (Толстой, 1952с, с. 281–282).

Приведенные в начале данной статьи цитаты из Священного Писания могут быть истолкованы как факт признания, что, будучи солдатом, можно оставаться христианином. Но они отнюдь не наделяют святостью само военное дело. Призыв Толстого идет еще дальше: «если ты действительно хочешь поступить по-божьи, то тебе надо сделать одно: свергнуть с себя постыдное и безбожное звание солдата и быть готовым перенести все страдания, которые они будут налагать на тебя за это» (Толстой, 1952с, с. 283).

В следующей статье «Офицерская памятка» Толстой обращается уже к офицерскому корпусу. И тон, и содержание этого обращения несколько иные. Великий русский писатель апеллирует к разуму офицеров, нежели к их религиозным чувствам. Одним из тезисов, который должен убедить офицерство оставить это жизненное поприще, стала широко тиражируемая в средствах массовой коммуникации начала XX века одна из основных идей пацифизма – «частые международные сношения – торговые, общественные, научные, художественные – так сблизили народы между собой, что всякая война между европейскими народами представляется чем-то в роде семейного раздора, нарушающего самые священные связи людей» (Толстой, 1952b, с. 285). Между строк в этой статье читается идея, что офицерскую службу еще как-то можно оправдать в краткие

периоды, когда армия занята войной. Но в мирное время все заботы офицера заключаются в обучении солдата механическому повиновению и умению убивать. А это оправдать никак нельзя. В отличие от солдата, который уже обучен слепо подчиняться приказам и связан присягой на весь срок службы, у офицера есть возможность уйти в отставку и выбрать себе другой род деятельности. «Если же вы не можете и этого сделать, то решение для вас вопроса о том, будете ли вы продолжать служить или нет, отложится до того времени, – а это для всякого скоро наступит, – когда вы будете стоять лицом к лицу с безоружной толпой крестьян или фабричных и вам приказано будет стрелять в них. И тогда, если в вас еще осталось что-либо человеческое, вы должны будете отказаться повиноваться и вследствие этого уже оставить службу» (Толстой, 1952b, с. 290). То есть речь здесь идет о том, что военная служба рано или поздно поставит человека перед экзистенциальным выбором, и избежать этого не удастся.

По сути Л. Н. Толстой критикует, в том числе, и концепцию «христоролюбивого воинства» в рамках своей полемики с официальным православием. Идея единения для защиты Отечества воинов, живущих и умерших, является продолжением православной мистической традиции, которая была неприемлема для Толстого. Для него вера – это результат умственной работы, и религиозное обращение конкретного человека всегда сугубо индивидуально с точки зрения путей его реализации. Поэтому в экзистенциальной ситуации христианин в понимании Льва Николаевича остается один на один со своей совестью и Богом, и помощи в выборе, оставаться человеком или нет, ему ждать больше неоткуда. Для него не может быть акта единения солдата с другими солдатами, живущими и умершими, даже в деле борьбы с внешней угрозой. Официальное же православие через политику памяти и мистические элементы христианства настаивает на таком единении.

Роль государя как наместника Бога на земле и человека, который обладает правом начинать войну, также подвергается критике. «Учение Христа отменяет закон: «око за око и зуб за зуб», но те люди, которые не только всегда держались, но и теперь держатся этого закона и в ужасающих размерах, в наказаниях и на войнах, применяют его и, кроме того, не только око за око, но без всякого вызова предписывают убивать тысячи, как они это делают, объявляя войны, – не имеют права возмущаться на применение к ним этого закона в такой малой и ничтожной степени, что едва ли придется один убитый король или император на сто тысяч, а может быть, и миллион убитых и убиваемых по распоряжениям и с согласия королей и императоров» (Толстой, 1952a, с. 200–201). Нетерпимость «христоролюбивого воинства» к иноземным врагам, людям другой веры и т. д. также может быть оспорена с точки зрения понимания Толстым проповеди Христа и его собственного учения о непротивлении.

Заключение

Таким образом, в течение XIX века в русской богословской и философской традициях формировалась и критиковалась концепция «христоролюбивого воинства» как квинтэссенция православного понимания феномена войны и ее роли в жизни общества и отдельного человека. Эта концепция оказалась довольно работоспособной в деле нравственной ориентации человека в условиях войны,

когда необходимо сделать экзистенциальный выбор. При этом использование инструментов политики памяти при реализации этой концепции в повседневной (как военной, так и мирной) жизни армии позволяло одинаково хорошо трактовать для обычных военных позитивные и негативные события. Однако сильные стороны концепции «христолюбивого воинства» оказались уязвимы для критики со стороны более образованных и искушенных в мыслительной практике, нежели простые солдаты, людей. Для светского интеллектуала очевидны логические нестыковки, наивно выглядит буквальный символизм и отсылки к «причесанным» трактовкам исторических событий. Для искушенного в богословии человека другой, не православной, традиции будет относительно легко подвергнуть критике мистицизм и «цезарепапизм» православия. Но по большому счету данная концепция сыграла значимую роль в развитии нравственного богословия в православной традиции и оказалась духовным подспорьем для человека, обнаружившего себя один на один со смертельной опасностью на поле боя.

Список литературы

1. Бажанов, А. А. (1859). *Обязанности государя*. СПб.: Синодальная типография.
2. Бронзов, А. А. (1901). *Нравственное богословие в России в течение XIX столетия*. СПб.: Типография А. П. Лопухина.
3. Воскресенский, И. И. (1813). *Нравоучение для благородных воспитанниц общества благородных девиц и института Ордена Св. Екатерины*. Ч. 1–4. СПб.: При 1-м Кадетском Корпусе.
4. *Сочинения Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического* (Изд. 2-е, Т. III). (1908). СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова.
5. Толстой Л. Н. (1952a). Не убий. *Полное собрание сочинений* (Т. 34, с. 200–205). М.: Государственное издательство художественной литературы.
6. Толстой, Л. Н. (1952b). Офицерская памятка. *Полное собрание сочинений* (Т. 34, с. 284–290). М.: Государственное издательство художественной литературы.
7. Толстой, Л. Н. (1952c). Солдатская памятка. *Полное собрание сочинений* (Т. 34, с. 280–283). М.: Государственное издательство художественной литературы.

References

1. Bazhanov, A. A. (1859). *Objazannosti gosudarja* [Obligations of the sovereign]. SPb.: Sinodal'naja tipografija.
2. Bronzov, A. A. (1901). *Nravstvennoe bogoslovie v Rossii v techenie XIX stoletija* [Moral Theology in Russia during the 19th Century]. SPb.: Tipografija A. P. Lopuhina.
3. *Sochinenija Innokentija, Arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo* [Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Tauride] (2-nd ed., Vol. III). (1908). SPb.:

Izdanie knigoprodavca I.L. Tuzova.

4. Tolstoj, L.N. (1952a). Ne ubij [Do not kill]. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 34, pp. 200–205). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

5. Tolstoj, L.N. (1952b). Oficerskaja pamjatka [The officer memo]. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 34, pp. 284–290). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

6. Tolstoj, L.N. (1952c). Soldatskaja pamjatka [The soldier memo]. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 34, pp. 280–283). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

7. Voskresenskij, I.I. (1813). *Nravouchenie dlja blagorodnyh vospitannic obshhestva blagorodnyh devic i instituta Ordena Sv. Ekateriny. Ch. 1–4* [Moral Studies for Noble Pupils of the Society of Noble Maidens and the Institute of the Order of St. Catherine. Part 1–4]. SPb.: Pri 1-m Kadetskom Korpuse.